

Между статусом хаба и параллельной деятельностью: исследование роли «Группы двадцати» и БРИКС в глобальном управлении¹

Э.Ф. Купер

Купер Ф. Эндрю – профессор, Факультет политических наук и Школа международных отношений Бэлсилли, Университет Ватерлоо; 200 University Ave West, Waterloo, Ontario, Canada; E-mail: acooper@uwaterloo.ca

«Группа двадцати» должна позиционироваться в системе глобального управления во все более децентрализованной манере. Ранее «двадцатка» в основном воспринималась как концерт держав XXI в., однако, как свидетельствует динамика продолжающихся процессов в рамках института, она становится все более фрагментированной. «Группа двадцати» трансформировалась из главного форума клубного типа в системе глобального управления в координационный центр («фокальную точку»). Ключевое значение в этом процессе децентрализации сыграл БРИКС. Помимо участия этой группы восходящих держав в деятельности «двадцатки» в качестве хаба глобального управления, они также инициируют разнообразные параллельные инициативы. Деятельность «двадцатки» и БРИКС отличается некоторыми общими чертами, связанными с их неформальным характером. На фоне укрепления роли сетевых форумов увеличивается разнообразие направлений их деятельности и число участвующих в ней государственных и негосударственных субъектов. Одновременно децентрализация представляет вызов для клубной культуры «двадцатки» и БРИКС, поскольку снижается уровень единомыслия участников, характерный для традиционных «концертов» держав.

Хотя данная работа носит концептуальный характер, в ней содержатся некоторые иллюстрации из недавней практики, в том числе саммита «двадцатки» в Ханчжоу и саммита БРИКС на Гоа. Глобальная система находится в середине длительного периода дискретности, сопровождающегося сильными и интенсивными маятниковыми движениями от консолидированной формы институционального сотрудничества (через «двадцатку» как «фокальную точку») к растущей фрагментации (при ключевой роли БРИКС в этих изменениях). Различия между двумя этими формами будут основным поводом для дискуссий о глобальном управлении в XXI в.

Ключевые слова: «Группа двадцати»; БРИКС; глобальное управление; саммит; Ханчжоу; Гоа

Для цитирования: Купер Э.Ф. Между статусом хаба и параллельной деятельностью: исследование роли «Группы двадцати» и БРИКС в глобальном управлении // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 146–163. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-146

«Группа двадцати» должна позиционироваться в системе глобального управления во все более децентрализованной манере. Возникшая в результате финансового кризиса 2008 г. «двадцатка» в основном воспринимается как концерт держав XXI в., объединяющий страны, входящие в старый институт «семерки/восьмерки» и группу восходящих системно значимых стран глобального Юга. Тем не менее, как свидетельствует дина-

¹ Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г. Перевод выполнен Н.А. Спорышевой.

мика продолжающихся процессов в рамках «двадцатки», она становится фрагментированной с точки зрения устойчивого влияния на правила и процедуры реформируемого мирового порядка. Сложности в координации национальной политики ограничили институциональную эффективность, придавая организационному характеру «Группы двадцати» непредвиденную неустойчивость, а не ожидаемую централизованность.

Ключевую роль с точки зрения создания этого образа децентрализации сыграл БРИКС. Наряду со все более активным вовлечением в работу «Группы двадцати» входящие государства – более точно определяемые как БИК – также участвуют в разнообразных параллельных или «сосредоточенных вокруг» инициативах [Varma, Ratner, Weber, 2007; Chin, 2010]. С одной стороны, БРИКС продолжает выступать в качестве отдельной группы интересов, встречающейся на полях «Группы двадцати». С другой стороны, БРИКС создал свою собственную идентичность, которая воплощается во все более сложном процессе встреч на высоком уровне, институционализации через НБР, а также широком наборе собственных сетевых мероприятий.

Таким образом, в данной статье подчеркивается дуализм, связанный с изменением роли «Группы двадцати» от главного форума клубного типа в системе глобального управления до координационного центра («фокальной точки») важного, но при этом неформализованного процесса сетевого взаимодействия как на межправительственном, так и на государственно-общественном / транснациональном уровнях. Даже на фоне потери «Группой двадцати» позитивной динамики с точки зрения ее способности привлекать членов как старого института «семерки/восьмерки» [Baker, 2010], так и «растущего» БРИКС [Alexandroff, Cooper, 2010] к масштабным реформам международных финансовых институтов, разработке прозрачных механизмов взаимной оценки, мониторингу исполнения обязательств и обеспечению согласованности в разработке и осуществлении политики, децентрализованный характер «двадцатки» обуславливает ее важный вклад в архитектуру глобального управления. Важно, что многие из ключевых особенностей «Группы двадцати» не отвергаются БРИКС, а, напротив, воспроизводятся этим институтом. На межправительственном уровне такое заимствование проявляется в важности работы трека шерп и связей с соответствующими международными организациями и другими партнерами по диалогу. На государственно/общественном уровне сходство между «двадцаткой» и БРИКС проявляется в продвижении сетевого взаимодействия посредством структурированных диалогов с отдельными организациями гражданского общества.

«Группа двадцати» и общая траектория глобального управления

Перед подробным изложением изменений операционной модели «Группы двадцати» важно отметить особенности траектории глобального управления, лежащие в основе данного анализа. С точки зрения К. Дингверта и Ф. Паттбурга, аналитическая и концептуальная полезность исследований в рамках концепции глобального управления состоит в определении и описании «процессов трансформации» в мировой политике [Dingwerth, Pattburgh, 2006, p. 196]. Через рассмотрение «двадцатки» как института глобального управления в данной статье освещаются два преобразования, связанные с ней: ее становление в качестве механизма глобального управления после начала глобального финансового кризиса и последующий переход от консолидации к фрагментации, или, в более концептуальном плане, от функции форума на вершине глобального управления к функции связующего форума/сетевой «фокальной точки».

Однако акцент на «Группе двадцати» как децентрализованном координационном институте требует более четкого понимания параметров глобального управления. Это обеспечивает необходимость более целостного понимания структур или архитектур, в рамках которых осуществляется глобальное управление. С точки зрения Ф. Бирмана, это «архитектуры», которые описываются на метауровне управления» [Biermann et al., 2009, p. 15].

Привлекательность такого подхода «архитектур» глобального управления для указанных исследователей обусловлена тем, что он предлагает основополагающую концепцию, которая позволяет проводить анализ ситуаций как синергии, так и конфликтов между различными режимами или другими типами институтов в рамках определенной тематической области. Что касается «Группы двадцати», взаимосвязь между синергией и конфликтами становится центральным элементом при рассмотрении как процессов внутри «двадцатки», так и ее взаимодействия с другими институтами и развития глобального управления. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость рассмотрения «функциональной фрагментации», которая противоречит первоначальному доминирующему институциональному восприятию «Группы двадцати» [Angeloni, Pisani-Ferry, 2012; Cooper, Pouliot, 2015].

Эти концепции предлагают прочную основу для операционализации системной структуры глобального управления, в рамках которой «Группа двадцати» выполняет свои функции, а также для целей анализа изменений, происходящих внутри самой «двадцатки» как двигателя глобального управления, в частности для изучения расширенного, но децентрализованного и размытого процесса управления, осуществляемого «двадцаткой» в посткризисный период. В качестве нового источника инноваций в мировой политике «Группа двадцати» на уровне лидеров «обеспечивает уникальный институциональный процесс, посредством которого глобальное управление реализуется в рамках современной дипломатии» [Cooper, 2012; Cooper, Thakur, 2013; Kirton, 2013; Martin, 2013]. В этой связи особенно важна многосторонность «Группы двадцати», а также ее институциональные функции обсуждения и определения направлений действий, которые являются отражением неформальной организационной структуры [Pentilla, 2009].

Уточнение природы «концертов» – различия между модернистской и постмодернистской концепциями

Для того чтобы понять, является ли «Группа двадцати» «концертом» и как она вписывается в данное определение, полезно краткое обсуждение того, что собой представляют «концерты» [Ikenberry, 2001]. Концепция «концертов» и «концертной» дипломатии часто используется в дисциплине международных отношений без учета их меняющегося характера.

Дж. Киртон определяет «концерты» следующим образом: (1) конструктивный шок для устойчивости доминирующего порядка заставляет (2) взаимозависимую группу всех великих держав, характеризующуюся фактическим равенством и коллективным доминированием, (3) развивать институционализированную дипломатию на высшем уровне и поддерживающие консультативные механизмы (4), чтобы обеспечить стабильность функционирования системы и создать необходимый международный порядок. Дж. Киртон продолжает свое определение так: «Таким образом, концерты сочетают в себе минимальное количество независимых участников (только великие державы) с целью мобилизации максимальных коллективных возможностей (всех великих дер-

жав). Они делают это не для того, чтобы доминировать в краткосрочной перспективе и выражать временные интересы, получая максимальные индивидуальные выгоды (как в случае минимальной выигрышной коалиции в рамках теории баланса сил), а для того, чтобы преобладать в течение длительного времени в системе, в которой нет неохваченных взаимозависимых великих держав, способных причинить ущерб или организовать сопротивление. Включение всех дополнительных великих держав (т.е. помимо тех, которые необходимы для формирования минимальной выигрышной коалиции) удаляет из системы политическую инициативу и материальные возможности для ревизионизма на уровне великих держав, уменьшая при этом возможность обретения доминирующих возможностей отдельным государством внутри этой системы» [Kirton, 1989, p. 3].

Традиционные «концерты» представляли собой институциональные формы, в высокой степени ориентированные на государства, с акцентом на включение ключевых стран в систему баланса сил. Киртон подчеркивает главную отличительную черту между традиционными и современными «концертами», которая состоит в наличии балансировки сил. Хотя это верно для «концертов» прошлого, образ «Группы двадцати» отличается. Характеризуется ли «двадцатка» «балансировкой сил» или «разделением сил»/«распределением уязвимости»? Она включает не только великие, но и «средние» державы. Одной из особенностей «двадцатки» является возникновение феноменов системной значимости и взаимной уязвимости, при этом с точки зрения традиционных исследовательских взглядов оба феномена нехарактерны.

Включение предпосылки взаимозависимости в определение «концерта» – важное отличие понятия современной «концертной» дипломатии от традиционной – приносит дополнительную сложность. Хотя определение Киртона адекватно объясняет существование «Группы семи/восьми» в рамках международной системы, существует необходимость точнее определить роль «двадцатки» в пределах ее дефиниционных параметров. Ключевое отличие «Группы двадцати» от современного концерта «Группы семи/восьми» состоит в том, что она является источником институциональных инноваций, предусматривающих дипломатическую включенность и совместное управление (разработку политики и норм) существующими и новыми державами.

В основе этих форм «концертного»/клубного управления лежит понимание того, что клубы функционируют в международной системе в соответствии с консенсусом между членами. Как показывают недавние изменения в модели «концертов», особенно когда факторы географии и различия позиций дополняются системной значимостью в качестве предварительного условия для формирования группы, постмодернистские многосторонние институты осуществляют функции управления более сложными с операционной точки зрения способами, которые должны быть изучены более тщательно.

Выполняется ли принцип «ступица и спицы» в отношении «Группы восьми» и БРИКС?

Принцип «ступица и спицы» подразумевает централизацию сетевой структуры вокруг одного из элементов сети. Что касается архитектуры глобального экономического управления, роль «двадцатки» как основного форума международного экономического сотрудничества, несомненно, предполагает наличие сети, организованной по этому принципу. Тем не менее если «Группа двадцати» перестает быть центральным элементом по отношению к более широкой системе глобального управления, форум больше не занимает позицию «ступицы», поскольку рассматривается наряду с формализо-

ванными институтами, такими как ООН, а также многочисленными региональными организациями [Luchurst, 2016]. Кроме того, важно проводить различия между сетью, организованной по принципу «ступица и спицы», и «институциональным пересечением», которое может точнее описать положение «Группы двадцати», ее роль и функции в глобальном управлении.

«Двадцатке» присущи характеристики сети, организованной по принципу «ступица и спицы», однако плотность связей между узлами сети существенно отличается, особенно на фоне более четкого определения характера отношений и разделения труда между «восьмеркой» и «двадцаткой» начиная с 2010 г. Кроме того, если рассматривать «Группу двадцати» с точки зрения принципа «ступица и спицы», аналогично нужно поступить и в отношении ряда других институтов, которые соответствуют этому формату, в том числе региональных организаций (Африканского союза, АТЭС, АСЕАН и т.д.)

Что касается процесса БРИКС, «двадцатка» на сегодняшний день пока явно не признала достижений саммитов БРИКС в своих официальных сообщениях. Взаимодействие «восьмерки» и БРИКС как включенных в рамки «Группы двадцати» институтов по вопросам, связанным с экономическим управлением, представляет интерес в части рассмотрения указанных вопросов специальными группами, создаваемыми «двадцаткой», которые состоят как из участников «восьмерки», так и из стран БРИКС [Schrim, 2011]. Взаимодействие этих стран на неформальном дипломатическом уровне предшествует процессу в рамках «двадцатки». Процесс Outreach 5 (Хайлигендамский процесс) представляет собой дипломатическое взаимодействие между «восьмеркой» и группой O5, или BRICSAM (Китай, Бразилия, Индия, Южная Африка, Мексика) [Cooper, Antkiewicz, 2008]. С этой точки зрения «двадцатку» можно рассматривать как институт, обеспечивающий дипломатическое пространство, в пределах которого все эти страны (традиционные и растущие державы, ставшие новыми членами клуба) могут обсуждать вопросы на равной институциональной основе и в контексте новой экономической ситуации, т.е. пространство, аналогичное тому, в котором проходил дипломатический процесс Outreach 5.

Основной составляющей децентрализации «Группы двадцати» является отход от принципа «ступица и спицы» в отношении «Группы восьми» и БРИКС. «Двадцатка» должна быть пространством для диалога по вопросам глобального экономического управления, способного обеспечить перекрестную коммуникацию между ключевыми традиционными и растущими державами.

Существует ли иерархия между «Группой двадцати» и другими неформализованными институтами?

Важно проводить различие между иерархией и плотностью. При рассмотрении «Группы двадцати» в качестве координационного ядра в рамках более широкой сети акторов и институтов иерархия рабочих отношений «двадцатки» не должна использоваться в качестве замены плотности как показателя взаимодействия. Одной из ключевых особенностей неформализованных механизмов управления является отсутствие формальной/правовой основы для делегирования задач и обязанностей. Таким образом, с этой точки зрения не существует явной иерархии в межинституциональных отношениях между «двадцаткой» и другими международными организациями, как формализованными, так и неформализованными.

Участие неформализованных международных организаций в управлении, осуществляемом «двадцаткой», усилилось в посткризисный период за счет Базельского

комитета, СФС, ИОСКО и СМСФО. Как показывает К. Бруммер, глобальное экономическое управление происходит в основном посредством неформальных соглашений и заявлений. «Двадцатка» играет критически важную роль в этой архитектуре, заключающуюся в создании неформальных моделей делегирования задач соответствующим международным институтам, в том числе формализованным, например МВФ [Brummer, 2012].

В рамках сетевой структуры с «фокальными точками» в мировой политике акцент смещается от иерархии к наличию и типу пересечения и взаимодополняемости между этими точками, или координационными центрами. Это, однако, не означает пренебрежения сохраняющейся асимметрией силы между различными узлами сети. Если стоит задача всестороннего рассмотрения всего спектра неформализованных институтов, можно различить более тонкие формы иерархии, в которых «двадцатка» занимает в определенной степени центральное положение [Vabulus, Snidal, 2012]. Этот возросший статус особенно заметен в смысле иерархии, определяемой дипломатической приоритетностью (измеряемой количеством выделяемых ресурсов, т.е. временем и частотой встреч и саммитов) соответствующих международных институтов для национальных правительств.

Тем не менее, даже став основным форумом международного экономического сотрудничества, «двадцатка» уравнивается другими группами (включая региональные организации) при участии традиционных и восходящих держав – через БРИКС и финансовую «семерку» соответственно.

С точки зрения институциональных инноваций «Группы двадцати» существует очевидная иерархия, а также модель делегирования. Эта модель также распространяется в сферу формализованных международных организаций за счет включения МВФ. «Двадцатка» должна позиционировать себя в рамках этой системы таким образом, чтобы обеспечить формат сотрудничества для «неформализованной» архитектуры глобального управления. Это достигается за счет большей открытости и коммуникаций между различными узлами сети, когда обсуждения и работа соответствующих групп вносят вклад в деятельность «двадцатки», и наоборот. Что касается формальной стороны глобального управления, крайне необходимо взаимодействие «Группы двадцати» и связанных с ней неформальных групп с ООН, являющейся основой «легитимного» (инклюзивного и представительного) глобального управления.

Как характер сетевого взаимодействия связан с возможностью доступа к группе?

Хотя изначально «Группа двадцати» представляла собой закрытый ограниченный формат взаимодействия, с течением времени она двигалась в сторону все большей открытости. При этом открытость «двадцатки» зависит от степени, в которой она «децентрализует» себя в рамках системы глобального управления. Децентрализованное положение «Группы двадцати» привело к увеличению ее открытости.

Дискуссия об открытости представляет интерес с точки зрения самой «двадцатки» как группы стран. С одной стороны, если посмотреть за рамки традиционных и растущих держав, очевидное расширение блока средних держав в «двадцатке» дает некоторые основания утверждать, что как сетевая группа государств-акторов в международной системе она привержена открытой, а не бинарной институциональной модели, предполагающей членство исключительно крупнейших развитых и восходящих держав. С другой стороны, в отношении регионального представительства «двадцатку»

можно рассматривать как закрытую сеть в плане непосредственного участия в ее работе, поскольку Африка и Ближний Восток остаются непропорционально слабо представленными. Таким образом, с точки зрения странового представительства «двадцатка» остается закрытой сетевой структурой.

«Стадии» управления «Группы двадцати» в действии: централизация и децентрализация как основные мотивы

Хотя роль «Группы двадцати» в качестве «фокальной точки» не была широко рассмотрена в литературе, некоторые более ранние работы, посвященные процессу ее работы на уровне лидеров, ссылаются на понятие «фокальной точки» («координационного центра») для описания функций «двадцатки» как форума глобального управления. Более того, это раннее описание связывает понимание «двадцатки» как «фокальной точки» с ее более ранней ролью форума высшего уровня. Она характеризовалась как «фокальная точка», вокруг которой группируются государственные субъекты на уровне глобального управления и с помощью которой «ключевыми акторами в центре принятия решений координируется направление политики» [Cooper 2010, p. 752; Cooper, Bradford, 2010, p. 4]². Несомненно, в то время «двадцатка» соответствовала приведенному описанию. Однако по мере того как координация политики на международном уровне в рамках «двадцатки» становилась все более нестабильной, а страны-члены параллельно с участием в ней были все более активно вовлечены в региональные экономические инициативы, возник импульс к ее более диффузной роли сетевого характера в глобальном экономическом управлении. Это впоследствии повлияло на параметры, лежащие в основе определения «фокальная точка», в результате чего акцент в понимании «двадцатки» как «фокальной точки» делается прежде всего на ее роли связующего звена.

С учетом усиления противоречий между ролью «двадцатки» как института антикризисного управления и позицией ведущего форума экономического управления, соответствующие модели нуждаются в пересмотре. Именно в этой связи подход к «Группе двадцати» как «фокальной точке» важен с аналитической точки зрения.

В условиях безотлагательности мер в отношении глобального финансового кризиса «Группа двадцати» рассматривалась как необходимый институциональный механизм. По мере того как глобальная экономическая ситуация изменялась на протяжении посткризисного периода, эволюционировали и возникшие в разгар кризиса институциональные инновации. Традиционно преобладало предположение, что по мере угасания кризиса «двадцатка» трансформируется из антикризисного института в основной руководящий форум глобального управления. Наблюдаемые в рамках форума процессы свидетельствуют о возникновении более масштабной тенденции — перехода от модели форума, находящегося на вершине глобальной архитектуры экономического управления, к организационной форме, характеризующейся утратой центральной позиции и превращением в «фокальную точку» с большим акцентом на функции связующего звена (канала связи между широким кругом акторов и сфер политики в рамках архитектуры глобального управления). В то время как ранее предполагалось, что переход «двадцатки» от модели антикризисного форума к формату форума глобального управления высшего уровня будет связан с усилением централизации и формализации, фрагментация процесса ее функционирования, рассмотренная в дан-

² См. также: [Garrett, Weingast, 1993; Cooper, Thakur, 2013; Luckhurst, 2016].

ной статье и некоторых других исследованиях как ключевая характеристика, усложняет традиционный взгляд. Вместо, или, по крайней мере, до консолидации в формате форума глобального управления высшего уровня, роль «двадцатки» в управлении и ее функции должны пройти стадию «фокальной точки» в глобальной архитектуре управления, таким образом, перенося акцент с понимания «Группы двадцати» как форума на вершине системы глобального управления на ее восприятие в качестве форума — связующего звена.

Текущая децентрализация «Группы двадцати» является следствием нескольких факторов, в том числе: 1) снижения необходимости срочного реагирования на кризис; 2) «идиосинкразии» в области международного сотрудничества и координации политики (которая приводит к дифференциации и расхождению политики, а также усилению конкуренции); 3) усилению центральной роли негосударственных субъектов в орбите управления «Группы двадцати» вследствие укрепления многосторонности глобального порядка; 4) расширения повестки дня «двадцатки» и ростом различий в приоритетах ее членов.

Децентрализация «двадцатки» происходит параллельно изменению ее роли и функций и превращению из ядра системы глобального управления / форума высшего уровня непосредственно после мирового финансового кризиса в форум, выступающий как связующее звено в дальнейшем.

Роль форумов глобального управления высшего уровня подчеркивается их участием в создании принципов и норм, а также передаче и делегировании конкретных задач и обязанностей. Бейкер утверждает, что определяющим признаком таких форумов является их «стремление к установке и контролю за стратегическими приоритетами, повесткой и нормативными параметрами всего институционального комплекса глобального финансового управления» [Baker, 2010, p. 58].

Централизация и функции «двадцатки» как форума глобального управления высшего уровня четко проявились на трех последовательных саммитах в Вашингтоне, Лондоне и Питтсбурге в 2008–2009 гг. На этих саммитах сформировался образ «Группы двадцати» как исполнителя функции ключевого антикризисного форума — обеспечения конвергентных согласованных мер в сфере глобального управления в ответ на глобальный финансовый кризис, принятие которых подчеркивало единство участников процесса. На саммитах в Вашингтоне и Лондоне акцент был сделан на содействии коллективным стимулам для мировой экономики, наряду с обновлением инструментария реформ финансового регулирования, поддержанием глобальных торговых потоков и отказом от протекционистских мер. В Питтсбурге основной задачей стало принятие Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста и запуск Процесса взаимной оценки (MAP), что способствовало институционализации «двадцатки» как «основного форума международного экономического сотрудничества».

В рамках этой трилогии саммитов «двадцатка» работала над созданием рамочной структуры, которая бы очерчивала ее функции и параметры функционирования в глобальном управлении, а также над формализацией взаимодействия с традиционными международными финансовыми институтами и созданием новых институтов путем делегирования задач, как в случае Процесса взаимной оценки с МВФ, работы ОЭСР по проблеме офшорных финансовых центров, а также Совета по финансовой стабильности (СФС). Эта двойная цель изменения существующей системы и внедрения инноваций способствовала развитию сети организаций, формирующих глобальную архитектуру экономического управления.

Фрагментация: дифференциация и диффузия процесса деятельности «Группы двадцати»

В отличие от образа коллективного форума, находящегося на вершине структуры глобального управления, на первых трех саммитах, последующие встречи лидеров «двадцатки» отражали феномен диффузии и децентрализации. Саммит в Торонто состоялся на фоне первого этапа кризиса в еврозоне и характеризовался фрагментированным консенсусом в рамках «двадцатки» с учетом противоречий между стимулированием экономики и мерами фискальной консолидации и жесткой экономии, а также переходом к дифференциации политики стран-членов в изменившихся обстоятельствах.

В Сеуле причиной противоречий стала конкурентная валютная политика (второй этап количественного смягчения в США и девальвация китайского юаня). Кроме того, смещение акцента «двадцатки» на измерение содействия развитию в рамках глобального экономического управления, продемонстрированное в первую очередь принятием Сеульского консенсуса, ознаменовало снижение внимания к основным пунктам повестки дня саммитов в Вашингтоне, Лондоне и Питтсбурге. Сеульский саммит также характеризовался усилением масштабов институционализации «двадцатки» — созданием различных форматов диалога на субгосударственном/министерском уровне (например, форматов встреч министров иностранных дел и сельского хозяйства) и расширением представительства за счет приглашения на саммит не являющихся членами «двадцатки» пяти стран, представляющих региональные организации, и еще трех отдельных небольших государств [Cooper, Momani, 2014].

Саммит в Каннах на фоне усиления кризиса в еврозоне и Греции продемонстрировал дальнейшую фрагментацию и усиление противоречий в позициях по приоритетным сферам. Также нужно отметить формализацию процесса работы Тройки, дальнейшую институционализацию СФС и усиление роли «Деловой двадцатки» и Фонда Билла Гейтса как участников процесса работы «Группы двадцати» [Cooper, 2013]. Тем не менее расширение повестки дня саммита в Каннах привело к уменьшению результативности работы, поскольку снизилась доля предложений, которые реально обсуждались и по которым были приняты обязательства. Саммит в Лос-Кабосе характеризуется приоритетностью вопросов «зеленого» роста и финансовой инклюзивности, а также снижением интереса к лондонским обязательствам по финансовому регулированию в условиях продолжающегося кризиса в еврозоне. Использование основными странами еврозоны «тактики задержки», т.е. ожидание уступок от другой стороны (пример Франции и Германии и усиления фискального федерализма при представлении вариантов антикризисной политики), было особенно примечательно, а также ставило вопрос, смогут ли / должны ли и, если да, то каким образом страны «двадцатки» внести свой вклад в вывод Европы из кризиса.

Причины неустойчивости управления «Группы двадцати»

Неустойчивость процесса работы «двадцатки» связывается с внутренним давлением на правительства стран-членов. Это проявляется в критике протекционистских мер, и конкурентной, а не взаимодополняющей денежно-кредитной политики. Эти конфликты достигли кульминации, когда страны «двадцатки» оказались на грани двух валютных войн, сначала в преддверии саммита в Сеуле, а затем перед саммитом в Санкт-Петербурге.

Хотя появление «двадцатки» само по себе является институциональной инновацией, растущей неустойчивости организационного характера форума сопутствуют

более масштабные тенденции в глобальном управлении. Две наиболее существенные: трансформация норм из единых глобальных механизмов в индивидуальные положения, уделяющие большое внимание национальным обстоятельствам, расширение региональных механизмов в архитектуре глобального экономического управления, в частности институционализация региональных многосторонних банков развития [Chin, 2010].

Учитывая способность «Группы двадцати» определять характер необходимых реформ, а также обеспечивать новые дипломатические соглашения различных акторов (как традиционных, так и восходящих держав, государственных и негосударственных субъектов), неустойчивость управления, осуществляемого «двадцаткой», должна рассматриваться как часть более широкого процесса институциональных изменений, а не как непосредственно провал института. Суть этого преобразования институциональной функции отражается в смене роли «двадцатки» с консолидированного форума, играющего лидирующую роль в глобальной борьбе с кризисом, на сетевой координационный центр, выполняющий функции связующего звена.

Встраивание «Группы двадцати» в архитектуру глобального управления: операционализация «двадцатки» как «фокальной точки»

К. Бирман отмечает, что в литературе по международным отношениям практически отсутствует теоретический подход к сетевому взаимодействию международных организаций [Biermann, 2008, p. 152].

Бирман сфокусировал свое исследование на сетевом взаимодействии формализованных международных организаций, утверждая, что противоречия между неолиберализмом и неореализмом сводят всю дискуссию в литературе по международным отношениям к вопросу эффективности международных институтов. Хотя сетевое взаимодействие формализованных международных организаций имеет большое значение для настоящей работы, недостаток анализа Ф. Бирмана состоит во включении этих организаций в спектр рассматриваемых режимов международных отношений. Такой подход не предусматривает появления неформализованных международных организаций как автономных переменных со своими собственными правами [Vabulus, Snidal, 2012]. Результатом является неучет того, как неформализованные международные институты встраиваются в сетевую динамику международных отношений и, более конкретно, глобального управления. Описание «двадцатки» как координационного центра или «фокальной точки» предполагает существование форума в рамках более масштабной среды в качестве узла сложной сетевой глобальной системы.

«Группа двадцати» как «фокальная точка» на саммите в Ханчжоу

Роль «Группы двадцати» как «фокальной точки» глобального управления подчеркивается текстом итогового коммюнике саммита в Ханчжоу, провозглашающим ее превращение в центральный элемент глобального управления по всем вопросам финансовой, экономической, социальной сферы и устойчивого развития, а также вопросам политики и безопасности. «Перспективы роста мировой экономики также осложняются» геополитическими проблемами, включая «увеличение потоков беженцев, а также терроризм и конфликты» [G20 Leaders' Communique, 2016]³.

³ См. также [Vision 20, 2016].

Такие инициативы, как Контуры инновационного роста «Группы двадцати», подчеркивают роль «двадцатки» как связующего звена, которое консолидирует связи между институтами за счет делегирования задач. Следует отметить, что в дальнейшем Контуры должны развиваться «Целевой группой «двадцатки», поддерживаемой Организацией экономического сотрудничества и развития и СФС».

Основной акцент был сделан на взаимодействии между лидерами и их советниками со стороны «старых» и восходящих держав. Хорошей иллюстрацией являются двусторонние дискуссии «на полях» между председателем КНР Си Цзиньпином и главой Японии Синдзо Абэ.

Главной сильной стороной роли «фокальной точки» является то, что она позволяет косвенно или непосредственно получать информационную поддержку и активно осуществлять управление за счет одновременного охвата нескольких архитектур глобального управления. Хорошим примером может служить совместная ратификация США и Китаем Парижского соглашения по изменению климата и одобрение Плана действий «Группы двадцати» по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития.

Эта роль очень отличается от роли концерта, в рамках которого «двадцатка» диктует условия. Действительно, неспособность «двадцатки» достичь снижения протекционистских барьеров или отмены субсидий на ископаемые виды топлива свидетельствует о возникновении ограничений для ее прежней роли.

Различия между ролью «двадцатки» в качестве координационного центра (с открытым характером доступа) и традиционного закрытого концерта подкрепляются резким контрастом в подходе к проведению двусторонних встреч. В традиционных концертах одной из сильных сторон в практическом плане является возможность лидеров целенаправленно посвятить время совместной работе по чувствительным вопросам, представляющим взаимный интерес. В рамках «Группы двадцати» встречи такого типа зачастую проводятся быстро и открыто для средств массовой информации. Российские аналитики, например, противопоставили преимущества традиционного стиля работы подходу «двадцатки» к деятельности в отношении украинского кризиса. Как заявил один из экспертов еще в период австралийского председательства в 2014 г., деятельность «двадцатки» как координационного центра препятствует достижению результата, поскольку в работу института включены «многочисленные заинтересованные стороны, в том числе экспертное сообщество, средства массовой информации и общественность». Прозрачный формат встреч и телекамеры на всей территории проведения саммита «двадцатки» препятствуют откровенному и открытому общению, а не стимулируют его. Национальные лидеры общественного мнения и оппозиционеры, по сути, следят за каждым участником саммита, ища возможность обратить в свою выгоду проявление ими слабости. Излишнее дружелюбие в отношении президента России, по его мнению, может рассматриваться именно с таких позиций [Dolinskiy, 2014].

Какое влияние эта децентрализация оказывает на БРИКС?

Поворот «двадцатки» к децентрализации, безусловно, открывает возможности для БРИКС, обеспечивая развивающиеся страны одновременно оправданием и руководством для конкуренции и использования этой динамики соответственно. Как уже было отмечено, бросается в глаза, как много операционных характеристик БРИКС аналогичны «двадцатке». Более того, эти характеристики не только не исчезают, но становятся более акцентированными, что подтверждает процесс подготовки к саммиту БРИКС на Гоа в октябре.

С точки зрения конкуренции БРИКС продолжает оспаривать традиционное «право собственности» на международные финансовые институты. Очевидно, что эта задача является одним из связующих звеньев в рамках БРИКС, которое сохраняет свое значение, несмотря на ряд серьезных противоречий между странами. На саммите «двадцатки» в Ханчжоу лидеры БРИКС также продолжили призывы к реформированию Международного валютного фонда (МВФ) и «призвали страны “Группы двадцати” в сотрудничестве с МВФ наращивать усилия для увеличения размера квотных ресурсов Фонда и пересмотра квот и голосов для справедливого отражения роли государств с формирующимися рынками и развивающихся стран» [BRICS Leaders, 2016]. Была установлена твердая цель по завершению 15-го общего пересмотра квот к ежегодному совещанию МВФ в 2017 г.

Но если страны БРИКС хотят повышения статуса форума, они также должны стремиться к увязке неформального характера «двадцатки» и формального – ООН. В то время как «старые» державы готовы идти в обход ООН, БРИКС стремится к легитимации со стороны ООН, чтобы поддержать связь с остальными странами глобально-юга.

Ключевым проявлением этого слияния неформализованности с формализованностью стало внимание БРИКС к повестке дня в сфере развития, основную роль в реализации которой играет ООН, на саммите в Ханчжоу. Принятые на саммите в Китае решения соответствуют позиции Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, высказанной им на пресс-брифинге. Лидеры БРИКС также подтвердили свою приверженность реализации Целей устойчивого развития ООН (ЦУР).

На этом фоне, однако, форум БРИКС также столкнулся с процессом фрагментации. Например, вопросы деятельности Нового банка развития, несмотря на его акцент на финансировании «зеленой» инфраструктуры, не были интегрированы в повестку саммита «двадцатки» в целях продвижения устойчивого развития.

Вместо этого БРИКС придал большое значение укреплению сетевого измерения деятельности. В период председательства Индии состоялось более 50 отраслевых встреч, организованных на уровне министров, официальных лиц, технических специалистов и в рамках неформального трека. Большие усилия предпринимались по «укреплению связей между людьми», чему должно было способствовать большое число запланированных мероприятий, таких как футбольный турнир БРИКС среди юношей до 17 лет, кинофестиваль БРИКС, Форум по вопросам здорового образа жизни стран БРИКС, Молодежный саммит БРИКС, Форум молодых дипломатов, торговая ярмарка БРИКС, Конклав дружественных городов БРИКС, а также встреча Совета экспертных центров и Академический форум [Beijing Review, 2016].

По аналогии с моделью «двадцатки», значительное внимание было уделено взаимодействию с внешними партнерами на межправительственном уровне. Бразильское председательство пригласило ряд глав государств и правительств стран Латинской Америки на саммит в Форталезе в 2014 г., а Россия годом позже пригласила в Уфу лидеров стран Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества. Одним из вариантов для Индии было приглашение лидеров стран Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), но, желая избежать приглашения Пакистана, она решила взамен привлечь к участию лидеров семи стран БИМСТЕК (Инициатива по многоотраслевой технико-экономической кооперации Бенгальского залива), в том числе южноазиатских Бутана, Бангладеш, Непала и Шри-Ланки, а также Мьянмы и Таиланда, представляющих АСЕАН.

Однако, как и в случае «двадцатки», фрагментирование затрудняет основной процесс институционального строительства в рамках БРИКС. Саммит на Гоа продемон-

стрировал эту проблему. На фоне расширения сетевой динамики БРИКС утратил некоторые из основных характерных для него атрибутов клуба [Cooper, 2016]. Сильной стороной БРИКС всегда являлась способность устранения внутренних противоречий, будь то разногласия по реформе Совета Безопасности ООН или местоположению и взносам в Новый банк развития. На Гоа, однако, такие различия проявились, в первую очередь вследствие призыва Нарендры Моди к БРИКС вместе противостоять «стране, поддерживающей терроризм». Это едва прикрытая отсылка к Пакистану подорвала клубную культуру БРИКС по ряду направлений. С одной стороны, она подчинила повестку дня БРИКС внутривнутриполитической индийской повестке дня Н. Моди. Во-вторых, приоритет получили декларативные заявления в ущерб дипломатии за закрытыми дверями. И наконец, такая ситуация не только заставила Китай выбирать между союзом с Пакистаном и оказанием поддержки принимающей саммит Индии, но и привела к неправильной трактовке позиции России по данной проблеме. В 109-м пункте итоговой декларации саммита конкретно упоминается ИГИЛ, но не «трансграничный терроризм», под которым подразумевались в том числе группировки, на борьбе с которыми настаивала Индия [Goa Declaration, 2016].

Заключение

В данной статье проанализирован дуализм, связанный с различием в подходах к глобальному управлению с точки зрения существования единого центра или параллельно действующих структур. Первый подход подчеркивает роль «Группы двадцати» как «фокальной точки» глобальной системы.

Катализатором развития этого подхода было «предсмертное состояние» мировой экономики вследствие финансовых потрясений конца 2008 г. [Sorkin, 2009], когда стала наиболее ощутимой потребность в согласованных действиях в рамках одного центрального института глобального управления, представляющего собой «концерт» основных держав.

Другой сценарий, более ориентированный на конкуренцию, делает акцент на расширении параллельной деятельности в рамках взаимодействия между отдельными странами БРИК, а также дальнейшей институционализации формата БРИКС. Несмотря на признаки дипломатического сотрудничества, в этом случае также следует признать, что страны БРИКС не формируют полностью единую группу, поскольку их солидарности сопутствуют внутренние различия и конкуренция.

Промежуточный вывод состоит в том, что двойственный характер международной системы, в которой воплощены два ключевых процесса сотрудничества и конкуренции, будет вести к большему хаосу в этой системе [Naas, 2010]. Влияние экономической взаимозависимости и символическая важность повышения статуса мотивируют осуществление тактического сотрудничества в рамках концерта «Группы двадцати». Но со стратегической точки зрения все страны БРИКС хотят сохранить достаточно просторства для самостоятельных действий.

Финансовый кризис вызвал обоснованные опасения по поводу возможного краха глобальной системы. Он также сформировал ожидания, что «двадцатка» превратится в новый концерт держав, который сможет выступать не только в качестве антикризисного комитета, но и как форум глобального управления высшего уровня. Поскольку наихудший прогноз не оправдался, еще есть возможность, однако более отдаленная во времени, что «двадцатка» получит эту роль на фоне соответствующих изменений в области глобального управления. Глобальная система находится в середине длительного

периода дискретности, сопровождающегося сильными и интенсивными маятниковыми движениями от консолидированной формы институционального сотрудничества к конкурентной фрагментации. Различия между двумя этими формами будут основным поводом для дискуссий о глобальном управлении в XXI в.

Литература

Alexandroff A.S., Cooper A.F. (eds) (2010) *Rising States, Rising Institutions: Can the World Be Governed?* Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Angeloni I., Pisani-Ferry J. (2012) *The G20: Characters In Search of an Author*. Bruegel Working Paper 2012/04.

Åslund A. (2009) *The Group of 20 Must be Stopped* // *Financial Times*. 26 November.

Baker A. (2010) *Deliberative International Financial Governance and Apex Policy Forums: Where We are and Where we Should be Headed* // *Global Financial Integration Thirty Years On: From Reform to Crisis* / Geoffrey R.D. Underhill, J. Blom, D. Mügge (eds). Cambridge: Cambridge University Press.

Biermann F., Pattberg P., Harro van Asselt F.Z. (2009) *Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis* // *Global Environmental Politics*. Vol. 9. No. 4. P. 14–40.

Barma N.H., Ratner E., Weber S. (2007) *A World Without the West* // *The National Interest*. Vol. 90 (July/August). No. 23–30.

Beijing Review (2016) *Better Together*. No. 39. 29 September. Режим доступа: http://www.bjreview.com/Opinion/201609/t20160926_800068243.html (дата обращения: 20 июля 2017).

Biermann R. (2008) *Towards a Theory of Inter-organizational Networking: The Euro-Atlantic security institutions interacting* // *Review of International Organizations*. No. 3. P. 151–177. DOI: 10.1007/s11558-007-9027-9.

BRICS Leaders (2016) *Informal Meeting on the Margins of the G20 Summit Hangzhou, China, 4 September*. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1394397.shtml (дата обращения: 20 июля 2017).

BRICS (2016) *Goa Declaration at 8th BRICS Summit*. 16 October. Режим доступа: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/.../Goa+Declaration+at...BRICS> (дата обращения: 05.04.2017).

Brummer C. (2012) *Soft Law and the Global Financial System: Rule Making in the 21st Century*. N. Y.: Cambridge University Press.

Chin G. (2010) *Remaking the Architecture: The Emerging Powers, Self-Insuring and Regional Insulation* // *International Affairs*. No. 86 (3). P. 693–715.

Cooper A.F. (2010) *The G20 as an Improvised Crisis Committee and/or a Contested 'Steering Committee' for the World* // *International Affairs*. No. 86 (3). P. 741–757. Режим доступа: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/International%20Affairs/2010/86_3cooper.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

Cooper A.F. (2012) *The Group of Twenty: Input and Output Legitimacy, Reforms, and Agenda* // *ADB Working Paper*. No. 372. 25 August. Tokyo: Asian Development Bank Institute.

Cooper A.F. (2013) *Civil Society Relationships with the G20: An Extension of the G8 Template or Distinctive Pattern of Engagement?* // *Global Society*. No. 27 (2). P. 179–200.

Cooper A.F. (2016) *The BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford, OUP.

Cooper A.F., Antkiewicz A. (eds) (2008) *Emerging Powers in Global Governance: Lessons from the Heiligendamm Process*. Waterloo: Wilfred Laurier University Press.

Cooper A.F., Bradford C. (2010) *The G20 and the Post-Crisis Economic Order* // *CIGI G20 Paper*. No. 3. 10 June.

Cooper A.F., Momani B. (2014) *Re-balancing the G-20 from Efficiency to Legitimacy: The 3G Coalition and the Practice of Global Governance* // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. No. 20 (2). P. 213–232.

- Cooper A.F., Pouliot V. (2015) How much is Global Governance Changing? The G20 as International Practice // *Cooperation and Conflict*. No. 50 (3). P. 334–350.
- Cooper A.F., Thakur R. (2013) *The Group of Twenty*. N. Y.: Routledge.
- Dingwerth K., Pattberg P. (2006) Global Governance as a Perspective on World Politics // *Global Governance*. No. 12. P. 185–203.
- Dolinskiy A. (2014) What the G20 Summit Means for Russia and Ukraine // *Russia Direct*. 17 November.
- G20 Leaders' Communique (2016) Hangzhou Summit 4–5 September. Режим доступа: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1395000.shtml (дата обращения: 05.04.2017).
- Garrett G., Weingast B.R. (1993) *Ideas, Interests and Institutions* // *Ideas & Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change* / J. Goldstein, R.O. Keohane (eds). Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Goa Declaration at 8th BRICS Summit (2016) Ministry of External Affairs, Government of India, 16 October. Режим доступа: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27491/Goa+Declaration+at+8th+BRICS+Summit> (дата обращения: 20 июля 2017).
- Haas R.N. (2010) The Case for Messy Multilateralism // *Financial Times*. 5 January.
- Ikenberry G.J. (2001) *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kirton J.J. (2013) *G-20 Governance for a Globalized World*. Aldershot: Ashgate.
- Kirton J.J. (1989) The Significance of the Seven-Power Summit. University of Toronto G8 Information Center. Режим доступа: <http://www.g8.utoronto.ca/scholar/kirton198902/index.html> (дата обращения: 20.07.2017).
- Luckhurst J. (2016) *G20 Since The Global Crisis*. N. Y.: Routledge.
- Martin P. (2013) The G20: From Global Crisis Responder to Steering Committee // *The Oxford Handbook of Diplomacy* / A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press.
- Martinez-Diaz L., Woods N. (2009) The G20 – the Perils and Opportunities of Network Governance for Developing Countries. November. Режим доступа: <http://www.odi.org.uk/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/events-documents/3714.pdf> (дата обращения: 05.04.2017).
- Pentilla R. (2009) *Multilateralism Light: The Rise of Informal International Governance*. London: Centre for European Reform. Режим доступа: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/essay/2009/multilateralism-light-rise-informal-international-governance> (дата обращения: 05.04.2017).
- Riveros L.A. (2011) The G-20 Economies and the Financial Crisis: Concerns over Governance. RIBEI Working Paper 41.
- Rodrik D. (2011) *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. N. Y.: W.W. Norton and Company.
- Schirm S.A. (2011) Global Politics are Domestic Politics: How Societal Interests and Ideas Shape ad hoc Groupings in the G20 which Supersede International Alliances. Paper prepared for International Studies Association. Режим доступа: <http://www.sowi.rub.de/mam/content/lsip/schirmg20isa2011.pdf> (дата обращения: 05.04.2017).
- Slaughter A.-M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sorkin A.R. (2009) Wall Street's Near-Death Experience, 5 October. Режим доступа: <http://www.vanityfair.com/news/2009/11/too-big-to-fail-excerpt-200911> (дата обращения: 20.07.2017).
- Vabulas F., Snidal D. (2012) Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs). Draft paper prepared for submission to the PEIO Conference, Villanova University, 22–28 January. Режим доступа: <http://147.142.190.246/joomla/peio/files2012/papers/Vabulas%2029.09.11.pdf> (дата обращения: 05.04.2017).
- Vision 20-The Hangzhou G20 Summit (2016) A Blue Report to the G20 Presidency. 19 May. Режим доступа: ia.ubc.ca/v20-blue-paper-now-released/ (дата обращения: 05.04.2017).
- Weber S., Barma N., Ratner E. (2007) A world Without the West // *National Interest*. No. 90 (July/August). P. 23–30.

Between Hub Status and Parallelism: Examining the G20-BRICS Dynamics in Global Governance¹

A.F. Cooper

Andrew F. Cooper – Dphil, Professor, Department of Political Science and Balsillie School of International Affairs, University of Waterloo; 200 University Ave West, Waterloo, Ontario, Canada; E-mail: acooper@uwaterloo.ca

Abstract

Increasingly, the G20 needs to be examined as a decentred focal point in the global system. The dominant formative image of the G20 has been that of a 21st C concert of powers. Yet, as witnessed by the ongoing dynamics of the summit process, the G20 has become fragmented. As the G20 has moved away from its apex function, it has become a nexus forum/networked focal point. Of key importance in this context is the role of the BRICS grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa. At the same time as this major challenger is increasingly embedded at the hub of global governance represented by the G20, it is also engaged in a diverse array of parallel initiatives. In terms of their informal modes of operation, the G20 and the BRICS share some marked similarities. As the roles of networked fora are consolidated, the diversity of activities expands to incorporate a range of state and non-state actors. However, at the same time the club culture of both the G20 and the BRICS is contested, reducing the like-mindedness associated with traditional concerts of power.

The conceptual arguments developed in this paper are illustrated and reinforced by recent practices, including the Hangzhou G20 and the Goa BRICS summit. The global system is in the midst of a protracted period of discontinuity characterized by profound and intense tension between the push for a consolidated form of institutional synergy (with the G20 as the hub focal point) and the pull towards potential fragmentation (with the BRICS as the core agent of change). The nature and impact of this dynamic will animate the central debate over global governance in the 21st C.

Key words: G20; BRICS; global governance; summit; Hangzhou; Goa

For citation: Cooper A.F. (2017) Between Hub Status and Parallelism: Examining the G20-BRICS Dynamics in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 146–163 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-146

References

- Alexandroff A.S., Cooper A.F. (eds) (2010) *Rising States, Rising Institutions: Can the World Be Governed?* Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Angeloni I., Pisani-Ferry J. (2012) *The G20: Characters in Search of an Author*. Bruegel Working Paper 2012/04.
- Åslund A. (2009) The Group of 20 Must be Stopped. *Financial Times*, 26 November.
- Baker A. (2010) Deliberative International Financial Governance and Apex Policy Forums: Where We are and Where we Should be Headed. *Global Financial Integration Thirty Years On: From Reform to Crisis* (G.R.D. Underhill, J. Blom, D. Mügge (eds)). Cambridge: Cambridge University Press.
- Biermann F., Pattberg P., Harro van Asselt F.Z. (2009) Fragmentation of Global Governance Architectures: A Framework for Analysis. *Global Environmental Politics*, vol. 9, no 4, pp. 14–40.
- Barma N.H., Ratner E. and Weber S. (2007) A World Without the West. *The National Interest*, vol. 90 (July/August), no 23–30.
- Beijing Review (2016) Better Together, no 39, 29 September. Available at: http://www.bjreview.com/Opinion/201609/t20160926_800068243.html (accessed 20 July 2017). Biermann R. (2008) Towards a Theory of

¹ The editorial board received the article in December 2016.

Inter-organizational Networking: The Euro-Atlantic security institutions interacting. *Review of International Organizations*, no 3, pp. 151–177. DOI:10.1007/s11558-007-9027-9.

BRICS Leaders (2016) Informal Meeting on the Margins of the G20 Summit Hangzhou, China, 4 September. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1394397.shtml (accessed 20 July 2017).

BRICS (2016) *Goa Declaration at 8th BRICS Summit*, 16 October. Available at: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/.../Goa+Declaration+at...BRICS...> (accessed 05 April 2017).

Brummer C. (2012) *Soft Law and the Global Financial System: Rule Making in the 21st Century*. New York: Cambridge University Press.

Chin G. (2010) Remaking the Architecture: The Emerging Powers, Self-Insuring and Regional Insulation. *International Affairs*, no 86 (3), pp. 693–715.

Cooper A.F. (2010) The G20 as an Improvised Crisis Committee and/or a Contested ‘Steering Committee’ for the World. *International Affairs*, no 86 (3), pp. 741–757. Available at: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/International%20Affairs/2010/86_3cooper.pdf (accessed 05 April 2017).

Cooper A.F. (2012) The Group of Twenty: Input and Output Legitimacy, Reforms, and Agenda. *ADB Working Paper*, no 372, 25 August. Tokyo: Asian Development Bank Institute.

Cooper A.F. (2013) Civil Society Relationships with the G20: An Extension of the G8 Template or Distinctive Pattern of Engagement? *Global Society*, no 27 (2), pp. 179–200.

Cooper A.F. (2016) *The BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford, OUP.

Cooper A.F., Antkiewicz A. (eds) (2008) *Emerging Powers in Global Governance: Lessons from the Heiligendamm Process*. Waterloo: Wilfred Laurier University Press.

Cooper A.F., Bradford C. (2010) The G20 and the Post-Crisis Economic Order. *CIGI G20 Paper*, no 3, 10 June.

Cooper A.F., Momani B. (2014) Re-balancing the G-20 from Efficiency to Legitimacy: The 3G Coalition and the Practice of Global Governance. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, no 20 (2), pp. 213–232.

Cooper A.F., Pouliot V. (2015) How much is Global Governance Changing? The G20 as International Practice. *Cooperation and Conflict*, no 50 (3), pp. 334–350.

Cooper A.F., Thakur R. (2013) *The Group of Twenty*. New York: Routledge.

Dingwerth K., Pattberg P. (2006) Global Governance as a Perspective on World Politics. *Global Governance*, no 12, pp. 185–203.

Dolinskiy A. (2014) What the G20 Summit Means for Russia and Ukraine. *Russia Direct*, 17 November.

G20 Leaders’ Communique (2016) Hangzhou Summit 4–5 September. Available at: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1395000.shtml (accessed 05 April 2017).

Garrett G., Weingast B.R. (1993) Ideas, Interests and Institutions. *Ideas & Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change* (J. Goldstein, R.O. Keohane (eds)). Ithaca, NY: Cornell University Press.

Goa Declaration at 8th BRICS Summit (2016) Ministry of External Affairs, Government of India, 16 October. Available at: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27491/Goa+Declaration+at+8th+BRICS+Summit> (accessed 20 July 2017).

Haas R.N. (2010) The Case for Messy Multilateralism. *Financial Times*, 5 January.

Ikenberry G.J. (2001) *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kirton J.J. (2013) *G-20 Governance for a Globalized World*. Aldershot: Ashgate.

Kirton J.J. (1989) *The Significance of the Seven-Power Summit*. University of Toronto G8 information Centre. University of Toronto G8 Information Center. Available at: <http://www.g8.utoronto.ca/scholar/kirton198902/index.html> (accessed 20 July 2017).

Luckhurst J. (2016) *G20 Since The Global Crisis*. New York: Routledge.

- Martin P. (2013) *The G20: From Global Crisis Responder to Steering Committee*. The Oxford Handbook of Diplomacy (A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds)). Oxford: Oxford University Press.
- Martinez-Diaz L., Woods N. (2009) *The G20 – the Perils and Opportunities of Network Governance for Developing Countries*. November. Available at: <http://www.odi.org.uk/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/events-documents/3714.pdf> (accessed 05 April 2017).
- Pentilla R. (2009) *Multilateralism Light: The Rise of Informal International Governance*. London: Centre for European Reform. Available at: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/essay/2009/multilateralism-light-rise-informal-international-governance> (accessed 05 April 2017).
- Riveros L.A. (2011) *The G-20 Economies and the Financial Crisis: Concerns over Governance*. RIBEI Working Paper 41.
- Rodrik D. (2011) *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York: W.W. Norton and Company.
- Schirm S.A. (2011) *Global Politics are Domestic Politics: How Societal Interests and Ideas Shape ad hoc Groupings in the G20 which Supersede International Alliances*. Paper prepared for International Studies Association. Available at: <http://www.sowi.rub.de/mam/content/lcip/schirmg20isa2011.pdf> (accessed 05 April 2017).
- Slaughter A.-M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sorkin A.R. (2009) Wall Street's Near-Death Experience, 5 October. Available at: <http://www.vanityfair.com/news/2009/11/too-big-to-fail-excerpt-200911> (accessed 20 July 2017).
- Vabulas F., Snidal D. (2012) *Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs)*. Draft paper prepared for submission to the PEIO Conference, Villanova University, 22–28 January. Available at: <http://147.142.190.246/joomla/peio/files2012/papers/Vabulas%2029.09.11.pdf> (accessed 05 April 2017).
- Vision 20-The Hangzhou G20 Summit (2016) *A Blue Report to the G20 Presidency*, 19 May. Available at: iar.ubc.ca/v20-blue-paper-now-released/ (accessed 05 April 2017).
- Weber S., Barma N., Ratner E. (2007) A world Without the West. *National Interest*, no 90, July/August, pp. 23–30.